

Формирование Улуса Джучи. Монголы в Восточном Дашт-и Кыпчаке

Джучи (в ТИ Чжочи – *Joci*), старший сын Чингиз-хана, получил свой улус первым [Владимирцов 1934, с.98]. «В год Зайца (1207), – говорится в «Тайной истории» [Козин 1941, § 239], – Чжочи был послан с войском Правой руки к Лесным народам... Они выразили покорность... Чжочи принял под власть Монгольскую все Лесные народы, начиная отсюда по направлению к нам, а именно народы: Шибир, Кесдиин, Баит, Тухас, Тенлек, Тоелес, Тас и Бачжиги». В «Алтан тобчи» [Лубсан Данзан 1973, с. 184] перечислены эти народы в следующем написании: шибер, кэсдэм, байд, тухас, тэлэнг, тогулэс, тан-бичигэт¹².

Чингиз-хан высоко оценил успехи Джучи в мирном и добровольном подчинении лесных народов, кыргызов и ойратов монголам. «Обладающий величием августейший Чингис-хаган, – пишет Лубсан Данзан, – жалую Джочи, сказал: “Ты, Джочи, старший из моих сыновей, недавно лишь вышел из дому, а в землях, куда ты ушел по хорошей дороге, уже успешно покорил лесные народы и вернулся. Ни люди, ни кони не получили ран. Отдаю тебе эти народы!” Такое повеление он сказал» [Лубсан Данзан 1973, с. 184]¹³.

---

¹² Этническая идентификация и географическая локализация этих «народов» дана Б.Р. Зориктуевым [Зориктуев 2000, с. 119–127], который между прочим считает, что «Джучи со своим отрядом (во время похода против «лесных народов» – *К.У.*)..., на Иртыше не был» [Зориктуев 2000, с. 121]. Однако, надо полагать, что ареал распространения «лесных народов» на западе все же доходил до Иртыша. На это определенно указывает автор «Тайной истории». При распределении улусов Чингиз-хан соизволил повелеть следующее: «Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами бааринцев, но также и пополненными до тьмы адаркинцами, чиновцами, тоолесами и теленгутами, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом. Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям *вплоть до при-Эрдышских Лесных народов* (курсив мой – *К.У.*), пусть он также начальствует тьмою Лесных народов. Без разрешения Хорчи Лесные народы не должны иметь права свободных передвижений» [Козин 1941, § 207].

¹³ В «Тайной истории»: «Жалую их тебе в подданство» [Козин 1941, § 239].

Таким образом, поход Джучи против «лесных народов», завершившийся присоединением территорий современных Хакасии, Алтая и Прииртышья (см.: [Трепавлов 1993, с. 47–51]) к монгольскому государству способствовал образованию первого чингизовского улуса вне пределов самой Монголии.

«Поставленные перед Джучи задачи, – писал исследователь В.В. Трепавлов, – были успешно реализованы. В результате его рейда в Еке Монгол улус вошли земли некоторых кочевых и полукочевых государств (киргизов, кимаков и др.), располагавшихся ранее на этой территории» [Трепавлов 1993, с. 51].

Наиболее важным результатом этого похода, с учетом последующей истории Джучидского улуса, стало включение территории современного Восточного Казахстана в состав империи. Именно этот регион – среднее Прииртышье – станет впоследствии доменом (центром) самого Джучи и его ближайших потомков по старшей линии.

Вместе с тем основным и, по всей видимости, решающим этапом в формировании улусных территорий старших чингизидов, в нашем случае Улуса Джучи, является хорезмийский поход войск Чингиз-хана и его полководцев 1219–1224 гг. Лишь только после этого похода территории к северу от Сырдарьи и на запад от Иртыша, занятые кочевым и полукочевым населением кыпчакской конфедерации, вследствие чего и получившие название Дашт-и Кыпчак (Кыпчакская степь), полностью отошли под власть монголов.

Выше было отмечено, что после начала похода на Запад, в государство Хорезмшахов, одна часть монгольского войска под командованием Джучи была направлена на северо-запад от Отрара для покорения крепостей, расположенных на нижней Сырдарье, – Дженда и Барчанлыгкента.

Учитывая этот факт, некоторые современные исследователи (см. напр.: [Мингулов 1981, с. 80] совершенно справедливо отмечали, что до начала хорезмийской кампании (т.е. до похода на Гургенч, столицы государства Хорезмшахов) Джучи, стремясь обезопасить свой тыл, не только покорил все присырдарьинские города от Отрара далее на северо-запад до Аральского моря, но и посылал отдельные отряды в окрестные степные районы.

Так, Рашид ад-дин сообщает, что после взятия Сыгнака, Узгенда, Барчанлыгкента, Ашнаса и Дженда войска монголов, направленные на их подчинение во главе с Джучи, в сопровождении нойона

Улус-иди¹⁴ ушли к Янгикенту. «Завоевав его, – пишет далее автор «Джами ат-таварих», – они посадили там [своего] правителя [*шихнэ*]. Оттуда Улус-иди двинулся в поход на Каракорум¹⁵ [что в Дашт-и Кыпчаке]» [Рашид ад-дин 1952б, с. 200]. Последняя фраза хоть и не совсем ясно, но все же дает представление о наличии определенных военных действий монголов против кочевого населения Восточного Дашт-и Кыпчака.

Джувайни в похожих словах передает эти же события в своей «Истории миропокорителя», в главе «О походе Улуш-иди на Дженд и о завоевании этого края» старший современник Рашид ад-дина пишет: «К городу Кенту (Янгикент/Жанкент. – *К.У.*) направился военачальник с одним *туменом* войска. Он захватил город и оставил там *шихне*. А что до Улус-иди, то он отправился в Каракум» [Джувайни 2004, с. 60].

Подчинившиеся кочевники – канглы и кыпчаки, разделенные монголами на тысячи, сотни и десятки, пополняли войска завоевателей, готовившихся осадить столицу Хорезма.

К началу завоевания главных хорезмийских городов Кята и Гургенча территория Восточного Дашт-и Кыпчака уже была под властью монголов. Впоследствии сам Джучи после завоевания Хорезма беспрепятственно «направился в сторону Ирдыша, где находились его обозы, и присоединился к своим ордам» [Рашид ад-дин 1960, с. 78; Рашид ад-дин 1952б, с. 219].

---

¹⁴ В.В. Бартольд [Бартольд 1963а, 483, прим. № 3] идентифицирует это имя с монгольским военачальником – тысячником правого крыла Джиданойоном или Джэдайнойоном из племени мангыт [Рашид ад-дин 1952б, с. 199, прим. № 3, 268], согласно «Тайной истории» [Козин 1941, § 202, 158] он, Чжэтай (Джэтай) был одним из девяносто пяти (двадцать вторым) нойонов-тысячников, которые «потрудились... [с Чингиз-ханом] в создании государства». Однако, известный английский востоковед Дж.Э. Бойл, на основании сведений Джувайни, установил ошибочность этого утверждения и справедливо полагал, что это был посмертный титул самого Джучи (См.: [Boyle 1956, p. 146–154; Джувайни 2004, с. 557]; см. также: [Golden 2002, p. 147]).

¹⁵ Здесь под Каракорумом имеется в виду одноименная с монгольской столицей ставка тюрков-канглы в степи – *прим. пер.* [Рашид ад-дин 1952б, с. 199, прим. № 4]. Прочтение Каракорум не принято Дж.Э. Бойлом, который читал это слово как *Каракум*, имея ввиду пустыню Каракум – «место обитания канглы», – расположенную к северо-востоку от Аральского моря [Джувайни 2004, с. 558].

Вместе с тем, некоторые источники относят завоевание Восточного Дашт-и Кыпчака ко времени после взятия Хорезма. Персоязычный автор Джузджани, автор «Табакат-и Насири», писал: «Туши (т.е. Джучи. – К.У.) и Чагатай управившись с делами хорезмийскими, обратились на Кыпчак и Туркестан, покорили и заполнили одно за другим войска и племена кыпчакские и подчинили все (эти) племена своей власти» [Джузджани 1941, с. 14]. Более поздний (XVII в.) Абулгази в «Шаджаре-и туркмен» пишет, что после взятия Ургенча Чагатай и Угедей направились к отцу, «а Джучи с преданными ему нукерами из Ургенча пошел в Дашт-и Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам¹⁶... Джучи-хан, взяв в плен [всю] кыпчакскую молодежь, поселился в кыпчакском юрте. Из могольской [страны] он переселил сюда свою семью и все *или*, которые дал [ему] отец» [Кононов 1958, с. 44, 87, прим. № 58, текст на тюрки: Кононов 1958, с. 20]. В другой своей работе «Шаджаре-и тюрк ва могул» Абулгази писал, что Чингиз-хан отдал командование войсками, осаждавшими хорезмийскую столицу, третьему сыну Угедею, обязав своим приказом Джучи и Чагатая признать главенство Угедея и во всем ему подчиняться. «По этой причине Джучи-хан, оскорбленный (задетый) приказом хана, удалился после завоевания Хорезма в Дашт-и Кыпчак и подчинил все племена [Дашт-и Кыпчака]» [Histoire 1874, р. 139–140]. На это же указывают сведения Плано Карпини, современника Гуюк-хана, старшего сына Угедея. Говоря «о начале державы Татар» он без хронологической привязки писал: «Одного из своих сыновей по имени Тоссука, которого также называли кан, то есть императором, он послал с войском против Команов, которых тот победил в продолжительной борьбе; а после того как он их победил, он вернулся в свою землю». Судя по тому, что другого своего сына в это же время «он послал с войском против Индов», можно предположить, что речь идет о событиях 1221 г., после взятия Хорезма¹⁷ [Путешествия 1993, с. 36–37].

---

¹⁶ Имеются в виду башкиры (остяки).

¹⁷ По словам автора «Истории Тартар» брата Ц. де Бридия Чингис отправил Тоссука против команов, а второго сына «против Великой Индии на юго-восток». Ниже автор пишет: «войско, которое пошло на запад с Тоссуканом, сыном Чингиса, покорило сперва землю, которая зовется Теркемен, во вторых – бисерминов, затем – кангитов, [и] наконец они вторглись в землю

Свидетельством окончательного подчинения населения Восточного Дашт-и Кыпчака монголам стал свободный проход через его территорию, т.е. кочевья-владения восточных кыпчаков, отряда Джабе и Субедея, возвращавшихся в Монголию из южнорусских степей (Поле половецкое). Поход Субедея, как по своим целям, так и по осуществленным военным акциям, имел ярко выраженный антикыпчакский характер. Однако, Рашид ад-дин [Рашид ад-дин 1952б, с. 209] главной и единственной задачей этого, выражаясь современной терминологией, кавалерийского рейда называет преследование и пленение хорезмшаха Мухаммада. Автор «Джами ат-таварих» привел следующий приказ Чингиз-хана своим лучшим полководцам: «Отправляйтесь в погоню за султаном Хорезмшахом, и где бы вы его не настигли, если он выступит против вас с войском и у вас не будет силы для сопротивления, не медлите и известите, [меня], а если он будет слаб, противостойте [ему]. Заклинаю вас,... не возвращайтесь назад, пока вы его не захватите..., а каждого, кто будет дышать неповиновением и противодействием, уничтожьте!»¹⁸ [Рашид ад-дин 1952б, с. 209]. Вместе с тем ни дальнейшая фраза Чингиз-хана («покончив эти дела в трехлетний промежуток времени, вы возвратитесь через Дешт-и Кыпчак и присоединитесь к нам в нашем древнем юрте»), ни ход последующих военных действий (действительно растянувшихся на трехлетний срок) не укладываются в рамки этой задачи, так как уже в шаввале 617 г.х. (декабрь 1220 г.) хорезмшах Ала ад-дин Мухаммад умер на одном из островов юго-западной окраины Каспийского моря [Буниятов 1986, с. 148]. Теперь, исходя из поставленной задачи, следовало ожидать возвращения отряда Субедея. И действительно, прибывший к Чингиз-хану посол Субедея

Куспкас, то есть Команию» [Христианский мир 2002, с. 104, 108–109]. Эти сообщения говорят о том, что речь идет о событиях антихорезмийской кампании 1219–1224 гг., и походе отряда Джабе и Субедея в 1222–1223 гг. через владения Хорезмшахов и восточных кыпчаков по южному побережью Каспия через Кавказ и битве с объединенным войском половцев и русских на р. Калка 31 мая 1223 г. В последнем походе Джучи не участвовал. По мнению А.Г. Юрченко здесь «удивительным образом сочетаются две картины империи – «реальная» и «ирреальная», а в случае с походом Джучи против команов «русские переводчики» вписали «реальные» события в «грандиозную картину вымышленных походов Чингис-хана» [Христианский мир 2002, с. 193–197, 227–240].

¹⁸ Об этом же говорится у более раннего арабоязычного автора Ибн ал-Асира в сочинении «Ал-камил фи-т-тарих» [Ибн ал-Асир 2006, с. 355–356].

извещал: «Султан Мухаммад умер, а сын его Джелал-ад-дин бежал и пришел в ту страну. Теперь мы, освободив сердце от [заботы] о них, согласно требованию, которое было определено приказом Чингиз-хана, бог даст, сможем прибыть в Могулистан, [но] это ведает мощь великого господина и счастье Чингиз-хана!» [Рашид ад-дин 1952б, с. 226]. Однако широко известно, что вернулся он в соответствии с тем же приказом Чингиз-хана через три года и через Кыпчакские степи. Надо полагать, что Рашид ад-дин и его авторы, вкладывая вышеприведенные слова в уста Чингиз-хана, забыли упомянуть о не менее опасных врагах монголов – кыпчаках.

С учетом того, что в приказе Чингиз-хана оговорен и срок, и путь возвращения с большей долей уверенности можно сказать, что поход против кыпчаков был оговорен уже на совете 1220 г. Необходимые корректировки вносились позднее, когда Субэдей и Джабе, выполнив первую задачу (уничтожение хорезмшаха), «все время посылали послов по разным текущим вопросам» [Рашид ад-дин 1952б, с. 227] требуя, очевидно, дальнейших указаний.

На то, что целью похода Субэдея была именно нейтрализация кыпчаков, совершенно определенно указывает автор «Тайной истории». На совете монгольских военачальников, состоявшемся после взятия Хорезма, были обозначены дальнейшие действия монгольских войск. Здесь и было решено отправить отряд Субэдей-бахадур на север. Отправляя его в поход, Чингиз-хан повелел «дойти до одиннадцати стран и народов, как-то: Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти до самого города Кивамен-кермен. С таким повелением он отправил в поход Субеетай-Баатура» [Козин 1941, § 262, с. 188–189].

Автор «Тайной истории», не ставивший себе в задачу подробное описание военно-политических мероприятий Чингизидов¹⁹, свел цели походов к тривиальному грабежу, добыче «вражеского золота с серебром, и тканей с товарами, и людей с жилищами их» [Козин 1941, § 260, с. 188]. В любом случае завоевание и присоединение вышеперечисленных «одиннадцати стран и народов» не входили в планы монгольских стратегов.

Поход Джебе и Субедея являлся, с одной стороны, разведывательным против половцев (западных кыпчаков) и своего рода кон-

---

¹⁹ О целях автора см.: [Гумилев 1977, с. 484–502; Гумилев 1993, с. 293–312].

трольным против собственно кыпчаков (кыпчаков Восточного Дашт-и Кыпчака).

Подытоживая результаты «объединительной программы», В.В.Трепавлов отмечал, что «Восточный Дашт-и Кыпчак был молниеносно оккупирован отрядами Джучи» [Трепавлов 1993, с. 55]. Представляется на мой взгляд справедливым и соответствующим реалиям той исторической эпохи понимание процесса завоевания кыпчакского региона монголами не как «молниеносной» военной «оккупации», а долгого и планомерного военного и дипломатического мероприятия, включавшего в себя несколько этапов, в результате которых термин кыпчаки исчез как объединяющий термин многих тюркских народов региона, на смену которому пришла новая этнонимия.

Подводя итоги завоевания Восточного Дашт-и Кыпчака монголами отметим следующие этапы²⁰.

Первый этап (1207–1208 гг.). Поход Джучи против «Лесных народов» и распространение политической власти монголов на Енисейско-Иртышское междуречье. Утверждение Джучи в Восточном Казахстане (Прииртышье).

Второй этап (1216 г.). Глубокий кавалерийский рейд войск Джучи вслед за меркитами «в сторону Канлинцев (Qanlin) и Кипчаудов (Qibiaud)²¹».

Третий этап (1219–1224 гг.). Завоевание Мавераннахра и Восточного Дашт-и Кыпчака.

Четвертый этап (1237–1242 гг.). Окончательное уничтожение кыпчаков как военно-политической силы в регионе.

---

²⁰ Как и в любом другом случае предлагаемая нами ниже периодизация, которая возможно будет способствовать более целостному пониманию проблемы, является условным утверждением, основанным на сумме установленных фактов, как прямых, так и косвенных.

²¹ З.М. Буниятов [Буниятов 1986, с. 134] приводит другую дату первого столкновения войск Хорезма с монгольскими отрядами – конец 1218 г., хотя и отмечает, что она примерная. Между тем, Рашид ад-дин [Рашид ад-дин 1952б, с. 177] довольно определенно связывал это событие с годом быка, соответствующего 612 г. х. [1215–1216 гг. н.э.]. В «Тайной истории» [Козин 1941, § 199] по всей видимости, две битвы против меркитов, обе бывшие в год быка (или коровы), где первая приходится на 1205 г., а вторая на 1216 (1217) г., были объединены в события одного года. Историографический обзор проблемы датировки и места сражения сделан С.М. Ахинжановым [Ахинжанов 1995, с. 226–235].

Возвратившись в Монголию, Чингиз-хан произвел раздел завоеванных территорий. «Обладающий величием августейший Чингис-хаган – сообщает Лубсан Данзан – отделил своего сына Джочи, назначив его главным правителем кипчаков» [Лубсан Данзан 1973, с. 229]. В другом месте он назван «главным даругачи над кипчаками» [Лубсан Данзан 1973, с. 230].

Более определенно по этому поводу высказывается Рашид ад-дин: «Все области и улус, находившиеся в пределах реки Ирдыш и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей Чингиз-хан пожаловал в управление Джучи и издал беспрекословный указ, чтобы [Джучи-хан] завоевал и включал в свои владения области Дашт-и Кыпчака и находящиеся в тех краях государства. Его юрт был в пределах Ирдыша, и там была столица его государства» [Рашид ад-дин 1960, с. 78].

Формирование улусных территорий старшего Чингизида Джучи, начавшееся еще при жизни его отца и его самого, окончательно определилось лишь при внуках основателя империи, сыновьях Джучи к концу первой половины XIII в. Тем не менее, основы улусного разграничения четко вырисовывались в короткой, но впечатлительной по своим дальнейшим последствиям, военно-политической деятельности Джучи на посту кыпчакского *даругачи*. Понимание же этого аспекта не будет полным без уяснения некоторых конкретно-исторических моментов, в частности датировки смерти Джучи и сроков его военно-политического присутствия в Дашт-и Кыпчаке.

Закончив завоевание Хорезма и получив известие о смерти Ала ад-дина Мухаммада, Чингиз-хан выступил из окрестностей Самарканда в направлении Монголии. Первой остановкой на его пути стала Нижняя Сырдарья, где он в первой половине 1224 г. собрал своих сыновей и полководцев на курултай и, как свидетельствует Рашид ад-дин, его старшего сына на нем не было [Рашид ад-дин 1952б, с. 226]. Но он был еще жив. По свидетельству Абулгази, еще до прибытия в Самарканд Чингиз-хан послал в Дашт-и Кыпчак Джучи-хану письмо, содержащее следующие слова: «Мой дорогой сын, присоединяйся ко мне со всей своей армией, охотясь по пути на всех зверей и на всякую дичь в Даште, для того, чтобы мы вместе смогли предпринять большую охоту» [Histoire 1874, p. 139].

Об этом же курултае монгольской знати у берегов Сырдарьи, говорит и автор «Тарих-и джахангуша» Ата Малик Джувайни. По его свидетельству, Джучи встретился с отцом в местности Куланбаши и

преподнес Чингиз-хану двадцать тысяч серых коней²². Встреча эта, по словам автора «Истории миропокорителя», имела место после курултая, состоявшегося на берегах Сырдарьи²³ [The History 1958, p. 140; Джувейни 2004, с. 95]. Вскоре после своего возвращения в Дашт-и Кыпчак Джучи скончался ([The History 1958, p. 266; Джувейни 2004, с. 183], см. также: [Бартольд 1963а, с. 525]). Из других мусульманских авторов того времени лишь Джузджани очень коротко и довольно тенденциозно повествует об отношениях отца и сына в послехорезмийский период (середина 1220-х гг.). Ни о какой встрече их автор «Табакат-и Насири» не упоминает. Более того, по его версии Чингиз-хан, узнавший о намерении своего старшего сына убить его и сблизиться с хорезмшахом Мухаммадом, «послал доверенных лиц своих отравить и убить Туши» [Джузджани 1941, с. 14–15]. Необходимо так же отметить отчасти легендарные и более поздние сообщения Абулгази о встрече Чингиз-хана со своим сыном Джучи. Джучи-хан, пишет хан и историк Абулгази, получив послание отца с приказом прибыть к нему, «немедленно пустился в путь со всем своим войском, охотясь [по пути] на всю степную дичь, и присоединился к отцу, преподнеся ему богатые дары. Он привез, среди других подношений, сто тысяч коней, из которых двадцать тысяч были серыми, двадцать тысяч серыми в яблоках, двадцать тысяч караковые, двадцать тысяч черные и двадцать тысяч тигровой масти. Чингиз-хан проявил большую благосклонность и уважение к Джучи, который отнесся к младшим братьям в высшей мере приветливо. После охоты с принцами (*огланами*) Чингиз-хан ушел в свой юрт, где имел удовольствие общаться со своей семьей и детьми. Затем он дал Джучи много советов по руководству страной, методам ведения войны, подчинения народа; после чего отец отправил сына в Дашт-и Кыпчак» [Histoire 1874, p. 139–140].

В этой связи, по всей видимости, только Рашид ад-дин наиболее последовательно, да и относительно подробно и объективно излагает события последних лет жизни Джучи. Согласно «Джами ат-таварих», гнев всесильного отца на своего сына был вызван двумя существенными обстоятельствами. Неисполнение вышеприведенного приказа

---

²² В издании перевода Дж.Э. Бойля на русском языке речь идет всего о «тысяче серых лошадей» [Джувейни 2004, с. 95].

²³ В тексте вместо *Сырдарьи* стоит *Fanakat* (в русском издании: *Фенакет* [Джувейни 2004, с. 95, 553: прим. № 8]), у Рашид ад-дина [Рашид ад-дин 1952б, с. 226] она названа рекой *Бенакет*.

Чингиз-хана начать завоевание «северных стран» Келара, Башгирда, Уруса, Черкеса, Дашт-и Кыпчака и других областей тех краев, который он получил еще в период военных действий в Хорезме. По словам Рашид ад-дина, «он уклонился от участия в этом деле и отправился к своим жилищам» [Рашид ад-дин 1960, с. 79].

Другой причиной стало то, что Джучи несколько раз не являлся по вызову отца в Монголию, в каждом случае принося свои извинения и отправляя большое количество «добытых на охоте лебедей» [Рашид ад-дин 1960, с. 79]. Неявку к отцу, Джучи объяснял своей болезнью, однако, какой-то человек из рода мангыт, проезжавший через пределы юрта Джучи, видел якобы его на охоте. Разгневанный Чингиз-хан приказал двум другим своим сыновьям, Чагатаю и Угедю, выступить в поход против Джучи, готовясь и сам отправиться вслед за ними. В это время пришло известие о смерти Джучи [Рашид ад-дин 1960, с. 79], см. также: [Бартольд 1963а, с. 525]²⁴.

---

²⁴ Интересно отметить тот факт, что Абулгази [Histoire 1874, p. 140] после вышеприведенного отрывка из его «Шаджаре-и тюрк ва могул» о хорошей встрече отца и сына, почти дословно повторил процитированные здесь слова из «Джами ат-таварих», где не говорится ни о какой «благодарности и уважении» к своему старшему сыну. Не замечая противоречия своим же словам, он писал: «В истории Рашида говорится...».